

Былинно-сказочные города: пространство и архитектоника

Аннотация. Пространство в русских сказках и былинах воспринимается определенным образом: оно формирует целый ряд бинарных оппозиций и не мыслится вне действия. Город в сказках и былинах предстает как особенный тип пространства, со своими особенностями, функциями, символами и смыслами.

Ключевые слова: город; былинно-сказочные города; пространство; структура города; городские стены; ворота; передвижение

В сказках и былинах мы часто сталкиваемся с различными географическими объектами – реками, морями, полями, лесами, селеньями и, конечно, городами. Города в сказках и былинах имеют как традиционные черты сказочного и былинного пространства, так и свои уникальные особенности. Следует отметить, что мы не будем принципиально подразделять города на «сказочные» и «былинные», поскольку основные смыслы и символы, на которых построен образ города, как правило, едины для городов, представленных в обоих эпических жанрах, хотя, безусловно, отличия между ними тоже встречаются. Однако наиболее важное отличие между былинными и сказочными городами касается не изображения города, а его функций: для сказки город служит местом действия, в большинстве случаев лишенным географической конкретики и исторического контекста, тогда как для былины это оказывается в определенной мере значимым, поскольку упоминаются и конкретные города, и конкретные исторические фигуры, и конкретные события. Как пишет Д. С. Лихачев, «в сказках прошлое никак не определено в общем потоке истории, замкнуто и как бы воспроизводится в каждом новом исполнении сказки, благодаря чему усиливаются ее изобразительные, игровые стороны. Время же действия былин строго локализовано в этом прошлом – в условной эпохе русского прошлого, которую можно было бы назвать “эпической эпохой”... которая, однако, несмотря на всю свою условность, воспринимается как историческое время, “бывальщина”» [2]. В основном, в былинах это историческое время связано с двумя главными городами – Киевом и Новгородом. И Киев, и Новгород можно встретить в сказках, как основанных на былинах, так и самостоятельных, но и в том и в другом случае образы Киева и Новгорода продолжают и закрепляют традицию описания этих городов в былинах. Киев – «славный» стольный град, «сердце» Руси, ее религиозный, светский, культурный центр. Новгород же представлен как город торговый, богатый не только золотом, но и своими людьми, обладающими острым умом, цепкой хваткой и не чуждыми авантюризма. Присутствуют и в сказках, и в былинах и другие топонимы – и Муром, и Ростов, и, конечно, Москва, и, в более поздний период, Петербург, но мы не будем подробно останавливаться на топонимах, фокусируясь, главным образом, на ключевых характеристиках формирования образа города в сказках и былинах в целом.

Прежде всего, город в сказках и былинах – это модель мира. Этот мир организован, иерархичен, упорядочен. Сергей Домников в статье «Царь-город. Русский город в мифологическом пространстве» говорит, что эта упорядоченность заложена даже в самой формуле «тридевятое царство, тридесятое государство». Она «математически исчисленная, цифровым (рациональным) образом определенная» [1]. Поэтому это пространство, даже если оно «чужое», понятно и читаемо:

* Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 2-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

«В большинстве же случаев, независимо от расположения, подчеркивается, что иной мир мало отличается от мира этого: “Тогда он (*Богатырь Вечер.* – А. Л.) взошел в такое же царство, как и на земле; «<...> пошел Иван по тому свету и видит: свет такой же, как и *ихной*”» [3]. Предсказуемость и контроль города вступают в оппозицию с природными ландшафтами – чистым полем, дремучим лесом, синим морем. Эти ландшафты служат «междумириями», они опасны, лишены логики и чужды человеческим укладам, и, самое главное, там может произойти все, что угодно, и люди над этим не властны.

Сказочное и былинное пространство не одномерно и, как минимум, биполярно. Всегда существует что-то «по сю сторону» и что-то «по ту сторону». У любого «своего» места всегда есть какие-то пределы, за которыми всё будет подчиняться другим законам. Мир делится на «свой» и «чужой», и города становятся репрезентаторами, маркерами «своего» и «чужого» миров. «Свои» города находятся на земле. Они знакомы, понятны и обжиты. Тогда как города «иного», «чужого» мира, даже если расположены на земле, всегда далекие и находятся в другой части света (например, индийский город Галич) и «понимаются как некая “далекая земля”» [3]. Но чаще они расположены вертикально «своему» миру, в мире верхнем или нижнем: на горе, в небе, под водой, под землей. Так, к примеру, города, которые построены на горе, являются отражением образа небесного мира. Чтобы добраться до такого города, герою нужно совершить ритуальное восхождение, чтобы обрести могущество [1]. И добраться до такого города оказывается жизненно важно и необходимо, поскольку всё то, что кажется чуждым и незнакомым, надлежит узнать, и герои воспринимают это как нечто новое и манящее. Многие исследователи объясняют это особенностью русского менталитета и русского мировоззрения в целом, «Широта земель, огромные просторы горизонта не вселяют в героев страх, а скорее манят и интригуют своей загадочностью. Преодоление ими сказочного пространства в некотором смысле созвучно с постоянным процессом освоения земель» [8]. Процесс «освоения земель», постижения чужого пространства является движущей силой сказки и былины.

Как пишет А. А. Суслов, «сам процесс развития сказочного сюжета можно рассматривать как бесконечное движение и расширение пространства: “Динамическая легкость сказки ведет к крайнему расширению ее художественного пространства”¹» [8]. Переход с места на место, пересечение границ «своего» и «чужого» являются для сказочного и былинного героя закономерными и необходимыми. Это передвижение и для былины, и для сказки воплощено через концепт «путь-дорога». Чтобы достичь цели, пространство необходимо пройти, «освоить», а иногда и вовсе завоевать, чтобы иметь возможность вернуться в свой мир, на свою родину, в свой город героем и победителем. Но важно отметить, что не пространство определяет путь, а, напротив, путь определяет пространство, делает его видимым и значимым: «вне пути нет дороги... дорога может быть проложена везде, где человеку путь» [4].

«Путь-дорога» является не только пространственным концептом, но и временным, поскольку перемещение в пространстве всегда имеет свою длительность. Оно может быть воплощено в конкретных цифрах (например, три дня и три ночи), неопределенным (долго ли, коротко ли) или одномоментным (сей же час, тотчас же). Но «путь-дорога» не существует без героя, что делает пространство и время, скорее, не объективными, существующими реально, физически, а субъективно переживаемыми, *ментальными*. Как пишет М. В. Осорина, «МП [ментальное пространство] является “относительным пространством”, по терминологии Лейбница. Построение такого пространства отражает динамическую картину устройства ми-

¹ Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 131.

ра» [6]. В. Д. Шинкаренко же называет пространство и время в сказке и былине «внутренними» и отмечает, что «элементы окружающего мира воспринимаются органами чувств как экологическая информация, которая состоит из знаков, в сознании же человека этим знакам придается смысл. Сами же эти знаки, обретшие во внутреннем времени смысл, являются внутренним пространством, и это пространство не обладает свойствами физического пространства, свойство внутреннего пространства – это наличие знаков, сопряженных с элементами окружающего мира, а внутреннее время придает этим знакам смысл. Смысл знака является тем временем, которое необходимо для внутреннего восприятия знака. У знака вне времени нет смысла, а у смысла вне пространства нет знака» [10]. В сказке и былине внутренне переживаются не только время и пространство, пройденное между точками пути героя, но и в самих этих точках, которые воплощены городами, поскольку сами города также имеют собственную архитеконику.

Каждый город имеет свой центр, в котором находится дворец. Как правило, его всегда видно издали, поскольку это важнейшее место в городе (и воплощение города как такового). Зачастую указывается и материал, из которого он сделан, – камень, олово, золото, хрусталь и т. д. («А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся» [7]). Дворец – не просто географический, административный, социальный центр города, это еще и сакральный центр, это место, которое наделено особенной силой и мощью, это дом владыки, место, где решаются человеческие судьбы, где могут жить диковинные существа, а также томиться в заточении женщины, ждущие своего спасения. Дворец представляет весь город, все царство в целом, и все основное действие, связанное с городом, происходит именно в нем.

У каждого города есть и своя периферия, заканчивающаяся высокой стеной, которая хранит город от непрошенных гостей, позволяет увидеть их задолго до их появления и подготовиться к их визиту. Городская стена – символ безопасности и надежности, но также и символ границы, предела, «городская стена отделяла свой мир, освоенный человеком и превращенный в пространство культуры и цивилизации, от мира чужого, дикого, неосвоенного. Это разделение космоса от хаоса, оформленной тверди от стихии бесформенных вод» [1].

Частью стены являются ворота, через которые можно покинуть город или войти в него. Благодаря воротам можно надежно защитить город или же заточить кого-либо в городе с помощью засовов, замков и, конечно, магии. Ворота и ограды охраняют не только города, но и отдельные жилища, обозначая границы, за которые порой не стоит переходить. Ворота – дверь в какой-либо мир, в который нужно получить допуск. Иногда герою символически преподносят «ключи от города» в знак благодарности и как приглашение открыть дверь в другое пространство. «А мужички черниговские смотрят с крепостной стены. Смотрят и видят: стал на их сторону неведомый богатырь и разогнал войска басурманские. Открыли они ворота, подносят богатырю ключи города Чернигова на золотом блюде. “Владей, мол, нашим городом. Что полюбится, то и бери”» [9]. Но также покинуть город или войти в него через ворота на сказочном и былинном языке значит показаться, стать видимым, поэтому, желая действовать скрытно, герои игнорируют «традиционные» пути, что, как пишет С. Неклюдов, «несколько напоминает использование нерегламентированного входа/выхода потусторонними существами» [5].

Таким образом, в сказках и былинах город представляет собой модель мира, реального или фантастического, формирует оппозицию город – природа, имеет свой центр с сакральным местом – дворцом и периферию, опоясанную городской стеной с городскими воротами, которые служат дверью в иной мир, будь то выход

из родного города или вход в чужой. А также родной город, родное место, как правило, отправная точка пути, во время которого происходит освоение другого мира, необходимое как для личного совершенствования героя, так и нередко для того, чтобы родной город защитить.

Литература

1. Домников С. Царь-город. Русский город в мифологическом пространстве [Электронный ресурс] // Символизм : портал. – URL: <http://www.symbolizm.ru/index.php/rus/187-tzargorod> (дата обращения: 09.11.2021).
2. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://ksana-k.narod.ru/Book/poet/index.htm> (дата обращения: 09.11.2021).
3. Лызлова А. С. Изображение иного мира в русских волшебных сказках о похищении женщины [Электронный ресурс] // Музей-заповедник Кижы : сайт. – 2011. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1348.html#note-id50078763> (дата обращения: 09.11.2021).
4. Неёлов Е. М. Путь-дорога [Электронный ресурс] // Неёлов Е. М. Волшебносказочные корни русской фантастики. – URL: <https://lit.wikireading.ru/44896> (дата обращения: 09.11.2021).
5. Неклюдов С. Ю. Движение и дорога в фольклоре [Электронный ресурс] // Ruthenia : сайт – URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov26.html> (дата обращения: 09.11.2021).
6. Осорина М. В. Ментальные пространства как психическая реальность [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2017. – Т. 7, вып. 1. – С. 6–24. – URL: <https://psyjournal.spbu.ru/article/view/3570/3260> (дата обращения: 13.11.2021). – DOI 10.21638/11701/spbu16.2017.101.
7. Сказка-былина про Илью Муромца // Быль и небыль / сост. Т. Г. Габбе. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1992.
8. Суслов А. А. Особенности восприятия пространства в русской сказке [Электронный ресурс] // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319, № 6. – С. 102–106. – URL: http://earchive.tpu.ru/bitstream/11683/4041/1/bulletin_tpu-2011-319-6-22.pdf (дата обращения: 10.11.2021).
9. Три царства – медное, серебряное и золотое [Электронный ресурс] // Сказки : сайт. – URL: <http://ru-skazki.ru/three-kingdoms-1&p2.html> (дата обращения: 14.11.2021).
10. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. – М. : КомКнига, 2005. – 208 с.

Maria Alexeevna Kalistratova,

second-year postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Epic and Fairytale Cities: Space and Architectonics

Abstract. Space in Russian fairytales and byliny is perceived in a certain way: it forms a row of binary oppositions and couldn't be thought of without the action. City in fairytales in epics is represented as a particular type of space, having its features, functions, symbols and meanings.

Keywords: city; epic and fairytale cities; space; city structure; city walls; gates, movement in space